

Прогнозы Ивана Засурского

Глава Миннауки Валерий Фальков недавно заявил, что из-за коронавируса в России появится «другое высшее образование». Речь, прежде всего, об онлайн-поступлениях в университеты и новых форматах дистанционного преподавания.

*К чему может привести дистанционная защита дипломов, мы побеседовали с заведующим кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, членом Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека **Иваном Засурским**.*

– Иван Иванович, вы тоже считаете, что высшее образование после коронавируса уже не будет прежним?

– Пока что, если честно, мне трудно представить себе, как вообще будет выглядеть мир «после» коронавируса. Ведь его на сегодняшний день не удалось ни локализовать, ни искоренить. Вакцины тоже нет. Мы видим только битву за то, чтобы сделать её за несколько лет – если получится.

Из истории мы знаем, что эпидемии были и раньше, человечество как-то переживало их, не одичало.

Другое дело, что ситуация с вузами сейчас в известном смысле проявляет ярко те изменения, которые уже произошли, и обнажает те тенденции, которые некоторое время уже развивались.

– Вы про онлайн-обучение, как я понимаю? Какая часть студентов, по вашим прогнозам, перейдёт на него, так сказать, на постоянной основе?

– Что происходит сейчас? Студенты, как и школьники, много

занимаются в Zoom, но даже сейчас в известном смысле все студенты стали «заочниками» (хотя видеозанятия позволяют задавать вопросы в прямом эфире). До сих пор бытовало мнение, что многие студенты заочных отделений учатся ради дипломов, а не ради знаний. С этим боролись в министерстве образования и науки предыдущего созыва. Так вот, после пандемии может вырасти число тех, кто не побоится перейти с дневного или вечернего на заочное, при этом изменится отношение к ним. Думаю, качество заочного образования станет в разы выше, потому что появятся в свободном доступе лекции: сейчас преподаватели во многих университетах массово записывают и сохраняют их.

Что касается в целом онлайн-образования, у Coursera (проект массового онлайн образования – прим. автора) в России уже 2 млн. пользователей (в мире около 60 млн.). Это больше, чем количество выпускников всех наших университетов по всем программам вместе взятым – бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Уже сейчас многие онлайн-курсы интегрированы в процесс обучения. Высшая школа экономики делает очень серьёзную ставку на это. Есть и общая для университетов онлайн-платформа под эгидой министерства и другие проекты. Есть и поддерживающая инфраструктура, в том числе открытый репозиторий научных статей “Киберленинка”, и куча других негосударственных проектов, банков знаний и сервисов самого разного типа.

После пандемии будут развиваться компании, предоставляющие услуги в сфере образования, университеты будут больше использовать видеоматериалы и технологии конференц-связи, как это происходит сейчас с взрывным входом на рынок платформы Zoom. Наконец, у людей будет доступ к огромному количеству материалов, частично и даже во многом бесплатному, с возможностью получить то или иное свидетельство прохождения курса или, что гораздо важнее, трудоустройство. Думаю, мы увидим много успешных проектов в этой сфере, как правило, вне университетов. Социальное пространство в условиях

дистанцирования и электронной системы коммуникации становится виртуальным. В нём будет происходить образование в большей степени, чем в стенах университетов. Но дипломы о высшем образовании там не будут давать.

– В СПЧ приходят жалобы от студентов.

Говорят, что их не коснулись меры господдержки. Что тут можно сделать?

– Мне кажется, нужно вспомнить лучшее, что было в советской системе – ставку на развитие и науку. Только за счёт этого мы протянули так долго. Если система зависит от государственных средств, значит, получать их должны те, кто в большей степени способствует развитию общества. Студенты могли бы получать стипендию в размере прожиточного минимума, а аспиранты – двух или трёх.

Странно, когда столько денег уходит на мусоросжигательные заводы или налоговые льготы нефтяникам, а средств на развитие научного потенциала страны нет. Думаю, это досадная инерция «тучных лет», но в ситуации эпидемии видно, что так больше продолжаться не может.

История со студентами-медиками, которым сейчас неплохо должны заплатить за практику и работу в клиниках, показывает, что есть большой резерв вовлечения молодых в реальные проекты – например, вместо «картошки» я легко могу себе представить посадки леса студентами-почвоведками. Это во многих случаях будет лучше, чем то формальное лесовосстановление, которым занимаются лесорубы.

– Вы как-то заявили, что количество выпускников, не умеющих грамотно писать, исчисляется 12-15 млн человек (если считать с 1990 года). Кто эти люди с «недообразованием»?

– В середине «нулевых» половина работ студентов была копиями сданных ранее с другой титульной страницей, пока не начали проверять. Сегодня в среднем каждая третья работа является

компиляцией. Мы раздобыли статистику по количеству выпускников и получили примерные цифры. Это не точные данные, а оценка, которая нас на самом деле не шокировала. Мы все помним, с каким кризисом столкнулось высшее образование во многих областях после краха Советского Союза, и как в девяностые можно было купить диплом, иногда вместе с защитой (когда «корочки» было мало).

Отвечая на вопрос «кто эти люди», скажу так.

Законченное высшее образование является условием трудоустройства в государственном секторе и крупных компаниях, где у нас традиционно правит династическая система, балансирующая на грани кумовства. То есть знания не являются для этой системы главным условием трудоустройства. Важнее связи. Отсюда высокий уровень формализации всего и вся. Это надо пояснить, кстати. Раньше я говорил об этом неправильно, изображая этих людей как не-специалистов во всём. На самом деле они специалисты, часто – гениальные. Но в... фиктивной отчётности. Таких людей не победить, особенно в формальностях: они всегда отчитаются, и проекты тоже придумают такие, чтобы гешефт был, и отчётность реальная – за счёт смысла, думаю.

Их аттестация является аттестацией именно этого типа. А раз они не разобрались ещё на стадии обучения в том, как может быть устроен мир, не расширили свой кругозор, то они будут вместо проектов порождать «темы» и химеры, довольно дорогие и изначально бесполезные. С виду безобидная деятельность, она и является системой паразитического присвоения ресурсов, которые находятся в управлении у государства, и она не контролируется никем, потому что реально читать и писать эти люди умеют с трудом. В моменты относительного благополучия всё это выглядит прилично, но как только начинается большой стресс вроде эпидемии, становится заметно, как много у нас людей необразованных, неподготовленных. А ведь спокойные времена позади.

Правда, есть и другая категория людей – тех, кто уже где-то

работал и понимает практическую сторону деятельности, поэтому относится к высшему образованию как к формальности... В “девяностые” мы с большим уважением относились к практикам, во многих областях есть примеры успеха, начиная со Стива Джобса, хотя он всё же много времени провёл в кампусе и что-то почерпнул в учёбе. Есть качества и компетенции, которые человек получает в университете, если их нет, со временем это заметно.

– С учётом пандемии фальшивых дипломов в этом году будет больше или меньше?

– В этом году защиты будут дистанционными, то есть тексты нужно будет читать заранее в электронном виде. Мне это тяжело, например. А можно и не читать ведь, то есть вместо привычного изучения работ в процессе защиты каждый участник комиссии должен потратить большое количество времени и усилий, читая с экрана длинный текст – многие ли будут это делать? Тем, кто постарше, ещё сложнее. А работ много. То есть в этом году плохие дипломы легко «проскочат», а лучшие пропадут бесследно. Пока мало кто публикует дипломы.

– Почему?

– В своё время Минобрнауки сделало «дорожную карту» перехода на открытую публикацию дипломных работ, но после её обсуждения в “Открытом правительстве” расформировали департамент, который должен был её выполнять. Вместо открытой публикации в министерстве требуют от университетов сохранения дипломов в электронной библиотечной системе. Но ни разу, по-моему, ещё не проверяли, делают они это или нет. И я не слышал о массовых или тотальных проверках коллекций на заимствования, к примеру. Боятся даже трогать эту тему.

Но еще важнее то, что у молодых людей должен быть способ войти в научную деятельность через защиту. Особенно сейчас, когда выпускники выходят на рынок в условиях меняющегося мира и растущей безработицы. Лучшие умы этого поколения могли бы

найти себя в науке, продолжить развиваться... Это надо стимулировать. Поэтому появился конкурс Путьвнауку.рф для тех, кто защитился на русском языке за последние три года. Мы надеемся, что представителями академии наук, университетов и исследовательских организаций смогут подобрать себе молодые кадры среди тех, кто опубликует работы на конкурсе. Хотим, чтобы университеты и научные коллективы учреждали премии и призы – например, бесплатные магистратуру и аспирантуру лучшим участникам конкурса. У нас есть немало историй успеха, которые начались с публикации диплома. В банке знаний нашей кафедры хорошие дипломы читают по 3-4 тысячи раз, а на «Научном корреспонденте» у работ бывает до полутора сотен тысяч прочтений. Информация из качественных работ часто более востребована, чем новые книги наших издателей, при этом доступна бесплатно, а дипломов в год защищается на порядок больше, чем издаётся книг. Ужасно, что мы так относимся к знаниям, которые производит наша система образования. Впрочем, оно и понятно, учитывая, что у нас здесь есть и “слабое место”, однако это не повод лишать молодых талантливых людей шанса найти себя в науке.

– Закон о запрете на рекламу услуг «по производству» дипломов, других учебных и научных работ действенен? Сколько выписано штрафов, сколько закрыто ИП?

– Насколько мне известно, нисколько. ФАС явно не до этого, а министерство образования и науки работает по инерции: скорее защищает систему отчётности, чем хочет обнажить проблемы. Даже при новом министре. Однако мы не вовлекаем правоохранителей, у нас есть опасения на этот счёт – мы боимся, что в итоге практика может ещё больше укорениться. Если у дипломоделов появятся “крыши”, ситуация грозит стать безнадёжной.

Запрет действенный в том плане, что несколько сдерживает крупных игроков от развития подобного бизнеса, ограничивает крупные площадки в размещении рекламы (почти), но он совершенно безвреден для тех, кто действительно этим занимается. Можно сказать, система по-прежнему производит

миллионы востребованных специалистов по фальсификации отчётности во всех областях, а отличники и преподаватели в свободное время лепят для них дипломы через всяческий малый бизнес в этой среде..

– Вы как-то сказали, что фальсификация результатов обучения является важным инструментом поддержания необходимой «картинки» при распределении бюджетных мест. Что имеется в виду?

– Что на «блатных» студентах зарабатывают дважды. Они часто учатся на «бюджетных» местах, за которые платит государство, а их родители могут решить вопрос поступления за сумму, сопоставимую со стоимостью образования за несколько лет частным образом. Лучшие университеты превращают нехитрый процесс в благотворительность и эндаументы, не снижая при этом требования к прохождению академических испытаний иначе. В этом смысле больше удивляешься не низкому среднему уровню, а тому, что кто-то где-то шевелится и старается. В таких случаях результаты появляются довольно быстро, но это не всем нужно. Это не правило, а исключение.

Отчасти это вызвано самой логикой государственной отчётности как главной «реальности», но где-то есть научные школы, есть учёные, которые публикуются не только в России, везде бывают, понимают современный уровень знаний в мире и способны делать исследования мирового уровня... До кого-то из них деньги даже доходят. Всякое бывает. Например, я возглавляю кафедру в МГУ, у нас с этого года введена «нулевая» терпимость к некорректным заимствованиям. Необходимо упоминание автора любого фрагмента, ссылка на источник. Далеко не во всех университетах есть такое отношение к качеству выпускных работ. А если человек не ссылается на источники, не попытался разобраться в своём дипломе, то в чём и когда он разберётся? Ведь он упустил важные навыки работы с источниками и так далее. Кроме того, наш собственный опыт показывает, что банки знаний являются важным инструментом создания новых научных школ, особенно там, где есть люди, которые занимаются исследованиями и изучают

современные источники.

Кстати, президент журфака МГУ Ясен Николаевич Засурский поддержал наш конкурс и ему понравилось открытое письмо министру науки и высшего образования. В этом смысле можно сказать, что мы упрямо гнём одну и ту же линию на “гласность” и открытость как лучший способ решения накопившихся проблем.

– А что он говорит об этом?

– Что нужно обязательно публиковать работы, потому что тогда любой человек может воспользоваться ими. Авторские права защищены, но работа доступна. Используя то, что опубликовано открыто, можно что-то написать, ссылаясь на автора. Ясен Николаевич говорит буквально: “Эти тексты очень интересные бывают: я всегда их с удовольствием читаю”. Он часто бывает против псевдо-новаций в образовании, но публиковать дипломы – хорошая идея!

– Что еще принесет нам, по-вашему, пандемия?

– Вообще, страх перед болезнями заставит человечество в целом серьёзно измениться. Я могу порекомендовать книгу Виктора Пелевина «iPhuck 10», в нём эта версия будущего выражена, пожалуй, наиболее ярко. Думаю, было бы здорово сделать из него сериал – насколько мне известно, Виктор Гинзбург, режиссёр «Generation П» и «Empire V» серьёзно думает об этом. Тогда вы всё увидите своими глазами!

Ева Меркачева